

«Театральная
жизнь»
1959 г. № 3.

В. АЛЕКСЕЕВ

ЧЕЛОВЕК

неиссякаемой

фантазии

И. Шаров.

Однажды, лет четырнадцать или пятнадцать тому назад, в кабинет художественного руководителя театра имени Моссовета робко вошел мальчик. Упрямо глядя в глаза известного режиссера, он проговорил срывающимся от волнения ломким голосом:

— Хочу стать актером. Хочу поступить в ваш театр. Пять лет назад я начал выступать в «Пиковой даме». Теперь у меня пропал голос. Я не представляю себе жизни вне театра...

— Сколько вам лет? — окинул его взглядом Завадский.

— Четырнадцать! — гордо ответил мальчик. Ему казалось, что он уже совсем взрослый.

— Прочтите что-нибудь.

Мальчик не мог вспомнить ничего подходящего. Крепко, до боли стиснув пальцы, он начал читать текст арии Риголетто.

Завадский хохотал искренне, безудержно, до слез. Но, видно, было в глазах юного посетителя нечто такое, что заставляло относиться к нему серьезно.

Иоаким Шаров — так звали мальчика — был принят в театр «сотрудником». Он выносил на сцену подносы, бил в колокол, производил шум ветра и делал множество других необходимых дел.

Вскоре его определили в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории. Мечту о театре пришлось на время оставить...

Но прошло три года, и Шарову посчастливилось соединить обе свои привязанности: к музыке и к сцене. Восемнадцать лет он поступил в ГИТИС на режиссерский факультет (оперное отделение), а в двадцать два года уже ставил в Казанском оперном театре свой первый самостоятельный спектакль.

Конечно, это была «Пиковая дама». Когда-то именно в этой опере в роли

мальчика-командира девятилетний Ким начинал свою сценическую деятельность. Теперь он дебютировал этой постановкой, как режиссер. Спектакль заслужил одобрение прессы. За полтора года работы в Казани И. Шаров успел, кроме «Пиковой дамы», поставить оперу Жиганова «Ильдар» («Дорогой победы»). В следующем сезоне он был принят по конкурсу в Большой театр.

Для начала молодому режиссеру поручили «подновить» старый спектакль «Лакме», и Шаров горячо взялся за дело. Он внимательно проанализировал постановки ведущего режиссера театра Б. Покровского, часто посещал проводимые им репетиции и только после серьезной подготовки вышел на сцену. Шаров вернулся к авторскому варианту либретто, где это было возможно воспроизвел национальные индийские обряды, изменил некоторые мизансцены. В результате постановка приобрела более определенный национальный колорит.

Помогал Покровский молодому режиссеру и в его работе над сценическим воплощением давно не шедшей оперы Масканьи «Сельская честь». Он часто бывал на репетициях, давал советы. Его влияние особенно заметно проявилось в массовых сценах спектакля. Во всей своей работе Шароев постоянно ощущал осторожно поддерживающую, но твердую и направляющую руку ведущего режиссера.

Вскоре после премьеры Иоаким Шароев улетел в Якутию. Ему была поручена большая и ответственная работа: он был назначен главным режиссером «Вечеров якутского искусства» в Москве.

Четыре месяца отводилось на их подготовку. Срок небольшой: ведь предстояло заново поставить первую якутскую национальную оперу «Ньургун Боотур» композиторов М. Жиркова и Г. Литинского, театральную ораторию и заключительный концерт.

Несмотря на крайнюю перегруженность работой, Шароев успевал ездить в глухие таежные села — присматриваться к народному искусству. Многие из увиденного вошло в его постановки.

— Сказочный край! — восклицает он, вспоминая поездки в тайгу. Глаза его разгораются, когда он рассказывает, как шел бескрайней равниной вдоль берега широченной Лены, когда перед ним веером развернулось полярное сияние и в небе встали огромные голубые столбы света.

Эта картина была почти без изменений перенесена им в оформлении первого отделения заключительного концерта.

Три недели Шароев прожил в одном номере гостиницы с автором оперы, заслуженным деятелем искусств РСФСР Г. Литинским. Оба работали по восемнадцати часов в сутки, очень уставали. Нередко Литинский

совсем не ложился спать. Исполнительницы роли Туйаарыма Куо — «Светлоликой девушки» — обладали разными голосами. Одна — сопрано, другая — меццо-сопрано. Изменения в партитуре, которые в связи с этим вынужден был вводить композитор, разрослись чуть ли не до создания двух редакций оперы.

Однажды вечером Шароев и Литинский крупно поспорили. Яркая, красочно инструментованная музыка «Ньургун» проникнута национальным колоритом якутской сказки, якутского народного мелоса. Но либретто оперы небезупречно. Постановщика особенно беспокоил финал первой картины. «Властитель Нижнего Мира», злое чудовище, похищал героиню — Туйаарыму Куо и на этом действие обрывалось. Драматургическая незавершенность ощущалась очень остро.

Режиссер решил, что необходим какой-то «мостик» к дальнейшему развитию сюжета. Но это требовало новой музыки.

Всегда спокойный и ровный, Литинский рассердился:

— Мало ли, что вы там придумаете. Либретто утверждено. Музыкальную драматургию я для вас ломать не буду...

...А в шесть часов утра он разбудил режиссера и показал ему великолепную по музыке написанную за ночь недостающую сцену.

Теперь в финале картины, когда чудовище хватало «Светлоликую девушку», народ бросался ее выручать. Люди грудились на месте, где она только что стояла, и в ужасе наступались. На земле одиноко лежала ее беленькая шапочка...

— Работать композитору с Иоакимом Шароевым и легко и трудно, — рассказывает профессор Литинский. — Легко потому, что Шароев — превосходный музыкант. Он прекрасно понимает намерения композитора.

А трудно потому, что у него ослепительная фантазия. Он часто предлагает что-нибудь новое в готовом уже одобренном спектакле. Нередко приходится вводить изменения даже после генеральной репетиции. А казаться от этих изменений жалко.

Успешная работа Шароева высоко оценена: за участие в постановке «Вечеров якутского искусства» молодому режиссеру год назад было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Шароев часто ставит наряду со спектаклями и концертные программы. Они приобретают у него характер грандиозного театрализованного зрелища. Именно такими получились, например, концерты показа искусства Воронежской области.

— Я считаю, что режиссер в наши дни уже не может замыкаться только в одной определенной области, говорит Иоаким Шароев. — Разные жанры и виды искусства переплетаются все теснее, их границы трудно определить... Мне кажется, что оперный режиссер должен ставить и концертные программы и музыкальные кинофильмы.

Его давно привлекала идея поставить оперу в кино. После долгих поисков Шароев остановился на совершенно неизвестном у нас маленьком шедевре Пуччини — одноактной опере «Джанни Скикк». Музыка ее была как будто специально создана для экранизации. Иоаким Шароев стал одним из авторов сценария и постановщика фильма-оперы.

В комнате молодого режиссера самые необходимые предметы обихода — магнитофон и радиолы. В доме — на стульях, на полу, на кровати, в шкафу — долгоиграющие пластинки, записи современной оперной и симфонической музыки. Музыка звучит все время, пока хозяин дома. Гостям приходится мириться с этим...